

Лит. Россия, 1985, 22 февр., и с.

ПАМЯТНЫЕ

ДАТЫ

О самом главном

К 90-летию со дня рождения Всеволода Иванова

ВЕРОЯТНО, именно к Всеволоду Иванову больше, чем к кому-либо другому, можно было бы отнести крылатую строку поэта: «Я думаю чувством, я чувствую мыслью». И отнести не только к произведениям прозы — к романам и повестям, сборникам рассказов и публицистическим статьям. Нет, такой поэтической формулой можно было бы, на мой взгляд, выразить самое существенное во всем творческом наследии этого выдающегося художника нашей советской эпохи, 90-летие со дня рождения которого исполняется 24 февраля. Ибо его ищущая, взыскующая мысль достигает во всем, к чему бы ни прикасалось его перо, предельного напряжения и, словно поток лавы, освещает наши лица тревожным и всепобеждающим светом — светом истинного гуманизма, истинной любви к своим современникам, своим героям.

И мы начинаем понимать, что искусство слова, которому была отдана вся без остатка его жизнь, действительно играло воодушевляющую роль на всех этапах его биографии, его судьбы.

А судьба эта была в своем роде необыкновенной. Взять хотя бы тот факт, что Вс. Иванов внезапно оказался в самой гуще политических, общественных, литературно-эстетических страстей, когда он приехал из Сибири в Петроград и когда Максим Горький не просто ободрил или не просто поддержал его, а увидел в нем — и увидел не без оснований — будущее новой социалистической литературы.

Из всех разрозненных впечатлений Вс. Иванова хотелось бы выделить одно: они беседуют с

Горьким, который серьезно болел, но который пригласил начинающего писателя к себе. Вот Горький коснулся рукой папки, вспоминает Вс. Иванов, где лежали рассказы молодых писателей, — и болезни словно не было. Слишком животрепещущей оказалась тема их разговора: те удивительные дела и те перспективы роста, которые ждали поэтов и прозаиков из среды самых обыкновенных рабочих и крестьян. «Вы вошли в эпоху труда, помните это!» — сказал Горький, провожая начинающего прозаика. И, к чести Вс. Иванова, он не забыл ни этих горьковских слов, ни этой руки, которая легла на рукописи таких же молодых, каким в ту пору был и он сам.

«Рука художника — это как бы рука отца, брата, вдохновенного наставника, — писал Вс. Иванов уже в 1958 году, — каждое слово которого запомнилось на всю жизнь, каждое слово которого может стать частицей твоей души, твоей жизни».

И самое примечательное заключается в том, что прославленный автор «Партизанских повестей» и «Бронепоезда 14-69», «Цветных ветров» и романа «Ужинский кремль» именно погорьковски, по-отцовски относился к тем молодым, которые шли и шли теперь уже к нему самому, к Мастеру с большой буквы, и которых он уже со-

всем по-горьковски и ободрял, и критиковал.

Мне лично особенно близка и важна та сторона его духовной деятельности, которую принято называть творческим поведением писателя, его «лабораторией», ибо в наше время, по словам Вс. Иванова, необходимо не только постоянно говорить о мастерстве, но и вершить мастерские вещи. Именно вершить — в этом заключался символ веры этого художника. О чем бы ни писал или ни рассказывал нам, молодым, Вс. Иванов — о дружбе ли с Сергеем Есениным или о сложных взаимоотношениях с сибирским «королем писательским» Антоном Сорокиным, о чем бы он ни вспоминал, например, как однажды вспомнил об удивительной лекции, прочитанной ему одному Александром Блоком, он всегда стремился проникнуть в суть человеческого отношения, в суть творческого процесса. Он хотел понять творческий процесс изнутри, овладеть спецификой перевоплощения характеров и событий в плоть произведения и рассказать, как оно становится второй эстетической реальностью, второй нашей жизнью.

И при всем том Вс. Иванову был органически чужд менторский тон. Он избегает настаивать других, поучать, что-то изречать непререкаемым голосом. Нет, он хотел прежде всего понять сам или, как говорили в старину, уразуметь для самого себя, да, именно уразуметь для себя главное — насалось ли это дипломной работы студента-литинститутца или романа одного из корифеев всемирной литературы. Вот почему он предпочитал во всем, и прежде всего в работе кафедры творчества Литинсти-

тута, воссоздавать атмосферу творческого порыва, воодушевления, озарения, вылить тайное тайных в психологическом переживании писателя, по-своему мотивировать поступки и действия других. Примечательны в этом смысле и его собственные сомнения, и предчувствия новых замыслов, и его удивительная, я бы сказал, феноменальная памятьливость. Примечательна и его собственная творческая лаборатория.

Вс. Иванов не был ни присяжным критиком, ни присяжным мемуаристом, нет, он, вспоминая всех тех, с кем ему приходилось встречаться или дружить, опять-таки исходил из главной художнической идеи. Вот как он передал, например, свое ощущение поэзии: «Поэзия — это сияние солнца, когда оно восходит над белками гор. А горы — это всегдашний символ бессмертной природы».

А вот как он передал свое понимание необыкновенного поэтического, я бы сказал, солнечного дара Сергея Есенина. «Много раз, — пишет Вс. Иванов, — я был свидетелем, как он на краешке стола своим ровным почерком, словно вспоминая, без особой усталости, точно давно известное, записывал свои стихи».

Удивительно прозорливы и как будто простые эти слова: «без особой усталости», «точно давно известное», но именно они-то и раскрывают гениальное «моцартовское начало», которое было у Сергея Есенина и кото-

рое отмечал в свое время Борис Пастернак.

Эпизод, пересказанный сейчас мною, чрезвычайно важен, так сказать, по личным мотивам. И вот по каким. Однажды, когда рейсовым автобусом мы с Всеволодом Вячеславовичем добирались из Переделкина в Москву, он рассказал мне о трагической гибели своего друга-поэта... Прощаться с Есениным можно было прийти в здание, где теперь помещается Центральный Дом журналиста. Тогда Иванов прочитал на белом полотнище, что здесь находится прах великого русского поэта... Всеволод Вячеславович, близоруко посмотрев на меня, как бы между прочим добавил, что ему в тот трагический день надписи на полотне показалась чрезмерной. Сережа, каким был поэт для всех друзей, — и вдруг великий. Но прошло время, прошли десятилетия, и вот теперь ему самому странно было бы называть, нет, просто невозможно при других было бы называть Есенина Сережей. Как Пушкина... Или как Блока... Время обострило наше внутреннее зрение, оно нестерпимо-слепящим светом высветило великое и оставило в тени все малое и незаметное.

В качестве заключения этих заметок мне бы хотелось вновь вернуться к той бескорыстной и возвышенной духовной радости, которую испытывал Вс. Иванов, когда читал или слышал разговор о самом главном — о писательском труде, о писательском мастерстве и еще о том «чувстве пути», которое живет, по словам Блока, в каждом истинном художнике.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ